

С. Л. Жидкова

**ПОЭТЫ XVIII ВЕКА
В ПОВЕСТИ ТУРГЕНЕВА «ПУНИН И БАБУРИН»
(По материалам Мемориальной библиотеки писателя)**

Известно, какой интерес испытывал Тургенев на протяжении всей жизни к XVIII веку. Думается, этот интерес проснулся довольно рано, поскольку он питался богатейшим собранием книг XVIII века, преимущественно составлявших усадьбную библиотеку Тургеневых. К тому же, интерес всячески подогревался и учителем словесности братьев Тургеневых Д. Н. Дубенским.

Автобиографическая повесть «Пунин и Бабурин» (1874) проливает свет на истоки любви Тургенева к эпохе, которую А. Н. Радищев образно назвал «столетье безумно и мудро». В данной работе мы обратились к трем известным именам XVIII века, которые органично вошли в художественную структуру повести: М. М. Хераскову, Г. Р. Державину и В. Г. Рубану.

Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807), плодовитый писатель, работавший в самых разных жанрах; среди его сочинений — комедии и трагедии, романы и «слезные драмы», стихотворения и басни. Перу Хераскова принадлежало два произведения в жанре эпической поэмы, считавшейся в то время «высшим родом поэзии»: ¹ «Владимир» (1785) и знаменитая «Россияда» (1779). В мемориальной библиотеке Тургенева хранится первое издание «Россияды», принадлежавшее основателю

¹ *Белинский*. Т. 7. С. 112.

Спасской усадьбы И. И. Лутовинову.² В библиотеке писателя имеется и собрание сочинений Хераскова, принадлежавшее его двоюродному деду Н. И. Лаврову и появившееся в Спасском после смерти бабки Тургенева Е. И. Сомовой в 1834 году. Лавровское издание открывается третьим переработанным изданием «Россияды».³

В «Россияде» Херасков «воспел» одно из важных событий русской истории — покорение Иваном Грозным Казанского царства в 1552 году:

Пою от варваров Россию свободенну,
Попранну власть татар и гордость побежденну,
Движенье древних войск, труды, кроваву брань,
России торжество, разрушенну Казань.⁴

По словам Белинского, «ученые» современники Хераскова «были без ума» от его поэмы, «они знали ее чуть не наизусть».⁵ Автора «Россияды» величали «российским Гомером» и «российским Вергилием». Поэт И. И. Дмитриев, рассказав в своих воспоминаниях, что «на третьем году от рождения он <Херасков. — С. Ж.> был украден из отцовского дома», прибавил: «Часом после и творец „Россияды“ вместо вершин Парнаса прожил и умер бы безвестным в цыганском таборе, посреди нищеты и разврата».⁶ Дмитриеву же принадлежит «надпись» в стихах «К портрету М. М. Хераскова» (1803):

Пускай от зависти сердца в зоилах ноют;
Хераскову они вреда не нанесут:
Владимир, Иоанн щитом его покроют
И в храм бессмертья проведут.⁷

Читатели и критики более позднего времени отнеслись к «Россияде» и ее автору более строго. В мемориальной библиотеке Тургенева находится журнал «Современный наблюдатель российской словесности», издававшийся в 1815 году студентом Московского университета П. М. Строе-

² Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог. Орел, 1994. Ч. 1: Книги на рус. яз. / Сост. и автор вступит. статьи Л. А. Балькова. С. 187. Далее — *Библиотека Тургенева. Каталог.*

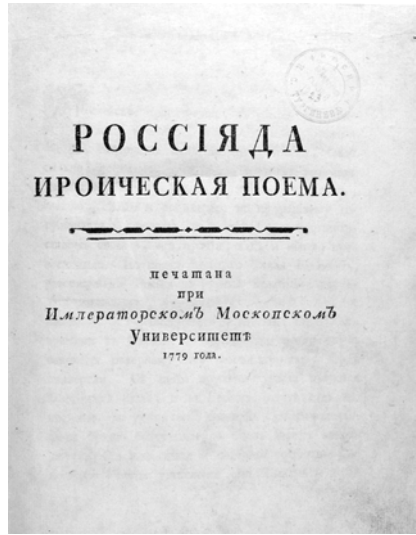
³ Там же. С. 188–189.

⁴ Здесь и далее цит. по: *Херасков М. М. Россияда: Ироническая поэма.* М., 1779. С. 1. Далее — *Херасков. Россияда.*

⁵ *Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья вторая // Белинский.* Т. 7. С. 133.

⁶ *Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь.* М., 1986. С. 315.

⁷ *Дмитриев И. И. Сочинения.* М., 1986. С. 229.



Первое издание поэмы М. М. Хераскова «Россияда» (М., 1779).
Переплет и титульный лист. Мемориальная библиотека Тургенева, Орел

вым, со статьей издателя «О „Россияде“, поэме г. Хераскова (Письмо к девице Д.)», в которой автор упрекал Хераскова в искажении исторических событий и характеров исторических лиц: «Иоанн, герой поэмы, имеет ли хотя малейшую черту, по коей можно было бы отличить его?».⁸ В самом деле, как-то трудно представить себе Ивана Грозного, произносящего следующий сентиментальный монолог:

И только стал во свет наследником рожден;
По званию сему уж был предубежден,
В народном счастье мое блаженство числить,
И собственность забыв, о благе общем мыслить;
Душевные слабости и неги отметить,
Во поданных друзей и ближних почитать,
Вот должность царская...⁹

Вывод автора статьи достаточно суров: «„Россияда“ недостойна тех громких похвал, коими ее до сих пор осыпали <...>».¹⁰ А. Ф. Мерзляков, напечатавший в том же 1815 году пространный разбор «Россияды»:

⁸ Современный наблюдатель российской словесности. 1815. Ч. 1. № 1. С. 20.

⁹ Херасков. Россияда. С. 31.

¹⁰ Современный наблюдатель российской словесности. 1815. Ч. 1. № 3. С. 82.

«„Россияда“, поэма эпическая г-на Хераскова (Письмо к другу)» в семи книжках журнала «Амфион», отметив достоинства и недостатки поэмы, в целом писал о ней с уважением. В девятой книжке «Амфиона», сохранившейся в мемориальной библиотеке Тургенева, можно прочесть: «...„Россияда“ как героическая поэма, заключающая в себе великое патриотическое дело, заслуживает по всей справедливости того, чтоб ее молодые наши поэты имели всегда подле себя и между любимыми своими книгами, как полезную для ума и сердца».¹¹ Следует отметить, что две песни из «Россияды», как произведения патриотического, были включены в программу гимназического курса русской словесности даже во второй половине XIX века; их должен был читать и наследник престола, цесаревич Николай Александрович, родившийся в 1843 году.¹²

Известно, какое сильное впечатление «Россияда» произвела на мальчика Тургенева. «О Россияда! и о Херасков! Какими наслаждениями я вам обязан!» — писал Тургенев 3 (15) сентября 1840 года М. А. Бакунину и А. П. Ефремову;¹³ а много лет спустя повторил в повести «Пунин и Бабурин»: «Таким образом мы прошли с ним не только Ломоносова, Сумарокова и Кантемира <...>, но даже „Россиаду“ Хераскова! И, правду говоря, она-то, эта самая „Россиада“, меня в особенности восхитила».¹⁴

По воспоминаниям И. И. Дмитриева, первыми читателями «Россияды» были «только просвещеннейшие из нашего дворянства». Однако по мере того как развивалась литература и вместе с этим распространялась грамотность в народе, продолжали восторгаться «Россиядой» находящиеся в начале читательского поприща «купцы, солдаты, холопы и даже торгующие пряниками и калачами».¹⁵

По собственным словам Тургенева, с «Россиядой» его познакомил дворовый человек Леон Серебряков: «Мы с Леоном уходили каждый день в сад, в беседку на берегу пруда и там читали — и как читали! или правильнее: он читал — и как читал! сперва каждый стих скороговоркой, так себе — начерно; потом с ударением, с напряжением и с чувством — набело. <...> Я слушал — мало! внимал — мало! обращался весь в слух — мало! — и классически: пожирал — все мало! глотал — все еще мало! давился — хорошо».¹⁶

¹¹ Амфион. 1815. № 9. С. 126.

¹² Буслаев Ф. И. Мои досуги. М., 2003. С. 330.

¹³ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 168.

¹⁴ Там же. Соч. Т. 9. С. 18.

¹⁵ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. С. 284.

¹⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 168–169.

Интересно, что такое же наслаждение от чтения «Россияды» испытал и герой автобиографической хроники С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука», маленький Сережа Багров, который «Россияду» и Сумарокова «читал с жадностью и восторженным увлечением».¹⁷

«Россияда», вероятно, привлекла мальчиков разнообразными чудесами, которыми она наполнена: тут и ангелы, и святые, и посланец Бога, являющийся к спящему Иоанну и призывающий его «спасать отечество и божий в нем алтарь»; тут и темные магометанские силы, к которым взывает казанская царица Сумбека:

Тогда к подействию над тартаром потребны,
Произнесла она еще слова волшебны:
Змею в котле варит, кавказкий корень трет;
Дрожащею рукой волшебный жезл берет,
И пламенным главу убрусом обвивает;
Луну с небес, духов из ада призывает...¹⁸

Тут и описание ада (не совсем удачное подражание Вергилию, как считал Мерзляков, но дети, разумеется, в филологические тонкости не могли входить), и многочисленные битвы, и герои, в них сражающиеся. Вот, например, князь Асталон:

То князь был Асталон; он шел горе подобен;
Сей витязь целый полк един сломить удобен,
Отважен и свиреп, сей враг россиян был,
Во бранях, как тростник, суперников рубил...¹⁹

Если любимыми героями Сережи Багрова были князья Курбский, Палецкий и Мстиславский, изображение которого ему казалось верхом совершенства: «Сей муж в сражениях не дерзок был, не злобен; / Но твердому кремню являлся он подобен, / Который сильный огонь в то время издает, / Когда поверхность кто его железом бьет»,²⁰ — то двенадцатилетнего Петю из «Пунина и Бабурина» пленила «мужественная татарка, великанша-героиня; теперь я самое имя ее позабыл, а тогда у меня и руки и ноги холодели, как только оно упоминалось!». ²¹

¹⁷ Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 5 т. М., 1966. Т. 1. С. 374.

¹⁸ Херасков. Россияда. С. 53.

¹⁹ Там же. С. 46.

²⁰ Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. С. 375.

²¹ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 18.

Обратимся еще раз к тексту поэмы и отыщем эту мужественную героиню. Впервые она появляется в рассказе о царе Едигере, претендующем на царский трон в Казани:

Шесть храбрых рыцарей в дружине царь имеет,
Которы подкреплять клялись войну и трон,
И каждый есть из них воскресший Асталон;
Меж ими дерзкая скрывается девица,
Смела как лютый вепрь, свирепа яко львица.²²

Имя «дерзкой девицы», которая, как видно из последующего текста, была наемницей, мы узнаем из отрывка, повествующего о битве русских князей со страшным противником:

То страшны витязи исшедши из Казани,
Отмщать россиянам успех вечерней брани;
Из Индии Мирсед, Черкешенин Бразин,
Рамида Персянка и Гидромир Срацин.²³

Вот схватка Курбского с неизвестным витязем:

Противника ручки кровавы обагрили;
Волнистые волосы плеча его покрыли;
По гордому челу кровь алая текла,
Как будто по серебру... Рамида то была.²⁴

Кажется, обаяние поразившей мальчика героини должно было еще более усилиться, когда он узнал, что она дочь чародея Нигрина:

Там лютый волхв Нигрин в вертепе древнем жил;
Россиян истребить он в мыслях положил;
Волшебной прелестью для рыцарей опасну,
В бою бесстрашную имел он дочь прекрасну,
Котора за зверьми гонялась день и ночь,
Рамидою слыла пустынникова дочь.²⁵

Можно предположить, какую горечь утраты испытал мальчик, когда его Рамида в конце поэмы погибла, как и множество других героев «Россияды».

²² Херасков. *Россияда*. С. 220.

²³ Там же. С. 232.

²⁴ Там же. С. 233.

²⁵ Там же. С. 255.

В повести «Несчастливая», написанной в 1869 году, Тургенев вспомнил еще одну героиню «Россииды», жену последнего казанского царя Сафагирея Сумбеку с ее гневными монологами: «Ратч махнул на нее <жену. — С. Ж.> рукой. — Ну, ты, Сумбека-царица, успокойся!».²⁶

Тургенев-писатель разделял с Белинским отношение к «Россииде», которую критик отнес к «реторическому направлению» в русской литературе.²⁷ Сам Тургенев мог бы причислить это произведение к раннему периоду так называемой «ложновеличавой школы». «Произведения этой школы, — писал он впоследствии, — <...> посвященные возвеличиванию России — во что бы то ни стало, в самой сущности не имели ничего русского: это были какие-то пространные декорации <...>». ²⁸ Не случайно, в одном из вариантов текста повести «Пунин и Бабуринов» мы встречаем весьма ироническую оценку своих детских литературных пристрастий: «Мы прочли с ним всю „Россиаду“ Хераскова, и, вероятно, никогда дебелые вирши нашего доморощенного Вольтера не возбуждали подобных восторгов!». ²⁹ В конце концов Тургенев исключил эту фразу из повести — все-таки «Россиида», прочитанная в детстве, навсегда осталась для него книгой, с которой началось знакомство с русской литературой.

В отроческом возрасте Тургеневу пришлось познакомиться с другими сочинениями Хераскова. В оглавлении книги, которая была в детстве Тургенева учебной, отмечено стихотворение Хераскова «Добродетель», а в тексте стихотворения карандашом выделены, возможно, предназначенные для заучивания наизусть стихи:

С ним Бог!.. Но кто Лукулл, с тобою?
Тщета, добука, прах и тлен!
Соблазны сильною рукою
Тебя им отдали во плен.
При добродетели богатство
Есть жизни временной приятство;
Где нет ее, там счастья нет;
Но там, где ты, о дочь Небесна!
Там жизнь и в нищете прелестна.
Пороки — тьма, ты — чистый свет!³⁰

²⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 8. С. 69, 459 (коммент. Л. М. Лотман).

²⁷ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья первая // Белинский. Т. 7. С. 113.

²⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 35.

²⁹ ПССиП(1). Соч. Т. 11. С. 355.

³⁰ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. 2-е изд. СПб., 1821. Ч. 1. С. 72.

Теперь в глазах будущего писателя, как и выросшего героя из «Пунина и Бабурина», который добродушно-насмешливо спрашивал у своего «бывшего наставника по части поэзии»: «А вы, Никандр Вавилыч, неужели все еще уважаете Хераскова?»,³¹ — нравоучительные стихи Хераскова годились разве только для пародии. Позднее, в письме к П. В. Анненкову от 14 (26) декабря 1871 года, Тургенев пародийно переиначивает начало известного церковного гимна, написанного композитором Д. С. Бортнянским на стихи Хераскова «Коль славен наш Господь в Сионе...». Ср. у Тургенева:

Коль щедр и славен Стасюлевич —
Не в силах выразить язык!³²

Державин Гаврила Романович (1743–1816), знаменитый поэт XVIII века, которого Белинский называл не вовремя родившимся Пушкиным. Впервые с Державиным Тургенев познакомился, вероятно, по «Собранию образцовых русских сочинений и переводов в стихах», которое служило ему учебной книгой в начале 1830-х годов. В оглавлении первой части «Собрания» отмечены оды Державина «Бог» и «Водопад», предназначенные, по всей видимости, для заучивания наизусть. В тексте «Водопада» отчеркнуты три первые строфы. Начало этой оды Тургенев процитировал в письме к дяде Н. Н. Тургеневу от 7, 8 (19, 20) апреля 1831 года: «Стихи. Известные Державина:

*Алмаз сыплется гора
С высот четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми и пр.»*³³

В этом же письме содержится и первая оценка, данная Тургеневым поэзии Державина: «О красоте их я не смею судить; но они мне кажутся превосходными».³⁴

С 1841 года Тургенев сотрудник и внимательный читатель журнала А. А. Краевского «Отечественные записки». Он, разумеется, знал все статьи Белинского, посвященные Державину и опубликованные в «Отечественных записках»: прежде всего его статью «Сочинения Державина» (статья первая: ОЗ. 1843. № 2; статья вторая: Там же. № 3). Белинский

³¹ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 30.

³² Там же. Письма. Т. 11. С. 180.

³³ Там же. Т. 1. С. 130.

³⁴ Там же.

О Г Л А В Л Е Н И Е

П Е Р В О Й Ч А С Т И.

	Стран.
Опытъ крашкой Пишпикъ	I
О Д Ы.	
I. Подражаніе Іову ×	1
II. Богъ ×	5
III. Освобожденіе Москвы	9
IV. На восшествіе на престолъ АЛЕКСАНДРА I.	14
V. Гимнъ Богу, изъ Томсона ×	19
VI. На побѣду Россійскаго флота надъ Турецкимъ	23
VII. На разрушеніе Вавилона ×	31
VIII. На день восшествія на престолъ Елисаветы	34
IX. На возвращеніе изъ Персіи Графа Зубова	42
X. Опытная Соломонова мудрость	47
XI. Зимой къ друзьямъ	55
XII. Богиня Невы	56
XIII. Подражаніе псалму: <i>Господи, да не яростию Твоею</i>	58
XIV. Къ Теону	61
XV. Подражаніе Горацию	65
XVI. Размышленіе по случаю грома	67
XVII. Къ А. Г. Волкову	68
XVIII. Вольный переводъ Горациевой оды	69
XIX. Добродѣшель ×	71
XX. Ломоносовъ	75
XXI. Ушро	78

«Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (СПб., 1821. Ч. I).

Крестиками в оглавлении отмечены стихотворения Державина и Хераскова.

Мемориальная библиотека Тургенева, Орел

упоминал о Державине и в статье «Русская литература в 1841 году» (ОЗ. 1842. № 1), а также в цикле статей под общим названием «Сочинения Александра Пушкина», где в первых четырех статьях сделал краткий обзор русской литературы допушкинского периода (ОЗ. 1843. № 6, 9, 10, 12), и др.

Сам Тургенев высказался о Державине в статье «De la littérature russe contemporaine» («О современной русской литературе»), опубликованной в «Illustration» в 1845 году, где сконцентрировал в короткой и емкой фразе размышления Белинского о поэте: «...Державин — натура в высшей степени поэтическая, смелая и сильная, все сочинения которого одушевлены победоносным и величественным гением екатерининского царствования; но, стесненный узкими формами поэзии своего времени, он часто изнемогал, стараясь подчинить себе непокорный язык <...>». ³⁵ Тургенев и в дальнейшем продолжал интересоваться сочинениями, посвященными Державину. Так, в ноябре ст. ст. 1853 года он прочел в рукописи статью С. Т. Аксакова «Знакомство с Державиным» и тогда же написал ее автору: «Она чрезвычайно интересна и любопытна — и хотя великий поэт является в ней в чуть-чуть комическом свете, тем не менее общее впечатление трогательно — словно из другого мира звучит этот голос». ³⁶ По всей вероятности, Тургенев читал и «Записки» Державина, впервые опубликованные в 1859 году в «Русской беседе». 13 (25) ноября 1859 года он писал негласному редактору журнала И. С. Аксакову: «Очень Вам благодарен за предложение выслать мне „Русскую беседу“ — и воспользуюсь им — то есть возьму от Вас записку в петербургскую Вашу контору». ³⁷ Как известно, Державин в «Записках» упомянул о деде Тургенева по матери П. И. Лутовинове и о его младшем брате А. И. Лутовинове, с которыми служил в Преображенском полку. Возможно, именно поэтому в записной книжке деда, хранившейся в Спасском среди старых бумаг, вместе с «рецептами для грудного декокта», различными «известиями и слухами», находились и стихи Державина. ³⁸ Тургенев, вероятно, был знаком с находящимися в его библиотеке «Объяснениями на сочинения Державина, им самим диктованными родной его племяннице Елизавете Николаевне Львовой в 1809 году» ³⁹ — своего рода творческой автобиографией поэта.

³⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 12. С. 510. Подлинник по-франц.

³⁶ Там же. Письма. Т. 2. С. 280.

³⁷ Там же. Т. 4. С. 109.

³⁸ Тургенев И. С. Образчик старинного крючкотворства <Первоначальная редакция (черновой автограф)> // Там же. Соч. Т. 10. С. 386.

³⁹ Библиотека Тургенева. Каталог. С. 82.

На протяжении всей жизни Тургенев не однажды обращался к творчеству Державина. Зная наизусть многие его стихотворения, он особенно часто цитировал его оды, намеренно снижая или даже пародируя возвышенный, эпический слог поэта. Под пером Тургенева в художественных произведениях и в посланиях к друзьям блистательный, величественный, завораживающий стиль эпохи утрачивает свое величие и сияние перед обыденной правдой жизни.

Ода Державина «Бог» с ее пафосным прославлением создателя и создания — Бога и человека, пользовалась, как писал Белинский, «мистическим уважением» и стала первым русским литературным произведением, получившим мировую известность. Существовала легенда, что она была переведена даже на китайский язык и, вышитая шелком на щите, висела во дворце китайского императора. Многие мемуаристы, вспоминая свое первое знакомство с русской поэзией, непременно называли эту оду Державина. Так, племянник поэта И. И. Дмитриева и сам поэт М. А. Дмитриев, рассказывая о своем детстве в доме деда И. Г. Дмитриева, вспоминал, как тот при гостях посылал его достать Державина или Хемницера: «Я лазил, как белка, по полкам библиотеки, доходившим до потолка, и громогласно читал или оду „Бог“ и другие, или лучшие из басен Хемницера, метившие на учреждения Екатерины, например, „Орлы“, „Совет“, „Лестница“, которые особенно восхищали моего деда».⁴⁰ В 1803 году Державин присутствовал на годовом экзамене в Юнкерской школе, где учился будущий журналист Н. И. Греч, который вспоминал: «Я смотрел ему пристально в глаза, и в уме моем с быстротой сонных видений пролетали: „Бог“, „Фелица“, „Водопад“».⁴¹ Театральный мемуарист С. П. Жихарев, явившийся в декабре 1806 года к Державину со своей трагедией «Артабан», говорил с ним о его сочинениях, «многие цитировал целиком» и среди прочего сказал, что «едва только выучился лепетать, как знал уже наизусть некоторые его оды, как то: „Бога“, „Вельможу“, „Мой истукан“, „На смерть князя Мещерского“ и „К Фелице“», что эти стихотворения служили для него «лучшим руководством в нравственности, нежели все школьные наставления».⁴² Эти примеры можно было бы продолжить...

⁴⁰ Дмитриев М. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой и Т. Ф. Нешумовой. Вступит. статья К. Г. Боленко и Е. Э. Ляминой. М., 1998. С. 43.

⁴¹ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 170–171.

⁴² Жихарев С. П. Записки современника: В 2 т. / Вступит. статья М. А. Гордина, коммент. Л. Н. Киселевой. Л., 1989. Т. 2. С. 47.

Как говорилось выше, оду «Бог» ребенком должен был выучить и Тургенев, но уже в юности она, по-видимому, стала казаться ему чересчур выпренной. 2 (14) октября 1840 года в шутиливом письме к приятелю А. П. Ефремову, довольно полному молодому человеку («А второй, сибарит, слоем жира облит»,⁴³ — писал о нем Тургенев в стихотворении «На Альбанских горах — что за дьявол такой?..»), писатель использует первую, торжественную строку оды — «О Ты, пространством бесконечный»: «...„О... о ты, пространством бесконечный“, откуда достал ты такой паскудный, чахоточный, болезненный фрак с воротником в виде старого хомута, с хвостом в виде стерляжьего носа, с побелевшими, лихорадочными пуговицами?»⁴⁴ — что создает комический эффект. Много позднее, в письме к А. В. Дружинину от 18 (30) января 1861 года, Тургенев использует следующие строки из оды «Бог» — «Сочесь пески, лучи планет / Хотя и мог бы ум высокий». Здесь пафос оды разбивается о естественность эпистолярного слога Тургенева: «„Сочесь пески, лучи планет хотя и мог бы ум высокий“ — но измерить глубину моей вины перед Вами он был бы не в состоянии».⁴⁵

Что касается другой известной оды Державина «Вельможа», где поэт высмеял членов екатерининского Сената в словах, ставших, подобно крыловским афоризмам, поговоркой — «Осел останется ослом, / Хотя осыпь его звездами; / Где должно действовать умом, / Он только хлопает ушами», — то в письме к Салтыкову-Щедрину от 17 (29) сентября 1876 года, в котором речь шла о начальнике главного управления по делам печати В. В. Григорьеве, Тургенев прямо написал: «Пародируя стих Державина, можно сказать про него „Свинья останется свиньей, / Хотя укрась ее звездою“».⁴⁶

В пьесе «Где тонко, там и рвется» (1848), а затем в романе «Рудин» (1856) Тургенев использует для характеристики героев формулу, восходящую к оде Державина «На рождение царицы Гремиславы», которую поэт начал любимым выражением Екатерины II — «Живи и жить давай другим». Ср. у Тургенева: «Madame de Libanoff женщина добрая, сама живет и жить дает другим».⁴⁷

Обратимся теперь к стихотворению Державина «Властителям и судиям», у которого была поистине драматическая судьба. В ранней редакции оно было напечатано в ноябрьском номере журнала «Санкт-Пе-

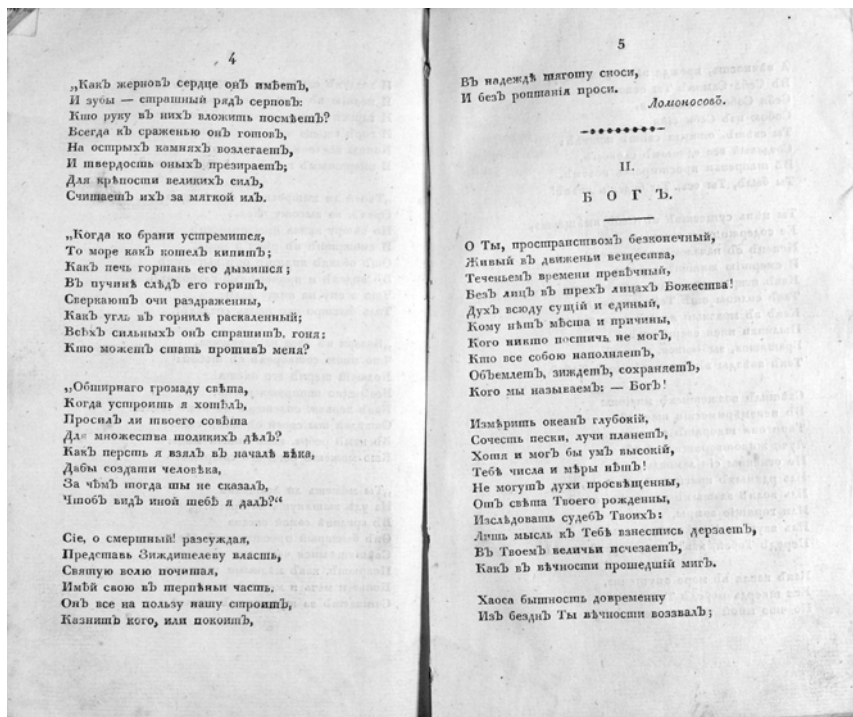
⁴³ ПССиП(2). Соч. Т. 1. С. 328.

⁴⁴ Там же. Письма. Т. 1. С. 177.

⁴⁵ Там же. Т. 4. С. 285.

⁴⁶ ПССиП(1). Письма. Т. 11. С. 316.

⁴⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 2. С. 76.



«Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (СПб., 1821. Ч. I).
Помета крестиком оды Державина «Богъ».
Мемориальная библиотека Тургенева, Орел

тербургский вестник» за 1780 год под заглавием «Ода. Преложение 81-го псалма». Однако содержание стихов показалось слишком смелым и из большей части тиража их вырезали. В новой редакции стихотворение появилось в журнале «Зеркало света» (1787. № 53) под заглавием «Ода. Извлечена из псалма 81». А в 1795 году Державин, решивший, наконец, выпустить сборник своих произведений, преподнес рукопись будущего сборника императрице. В сборник было включено и названное выше стихотворение, которое вызвало гнев императрицы: недоброжелатели Державина растолковали ей, что во время Французской революции якобинцы распевали псалом 81 как революционный гимн. Державин сумел оправдаться, тем не менее сборник его стихотворений вышел в свет уже после смерти Екатерины, в 1798 году, причем крамольное стихотворение было изъято цензурой. Уже в XIX веке ода появилась в первом томе сочинений Державина издания 1808 года под заглавием «Властителям и судьям». Вот ее полный текст:

Восстал Всевышний Бог, да судит
Земных Богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! — видят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! — Я мнил, вы Боги властны,
Никто над вами не судья:
Но вы, как я, подобно страстны,
И также смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един Царем земли!

Это стихотворение считалось одним из лучших произведений Державина. Белинский, который державинские переложения псалмов считал неудачными, делал исключение для переложения 81-го псалма — «Властителям и судьям», «в котором талант Державина умел приблизиться к высоте подлинника». ⁴⁸ Достоевский считал эту оду Державина образцом «высокой поэзии». ⁴⁹

Герой повести Тургенева «Пунин и Бабурин» Никандр Вавилович Пунин, изгоняемый гневной помещицей из усадьбы, где он и его това-

⁴⁸ *Белинский В. Г.* Сочинения Державина. Статья вторая // *Белинский*. Т. 6. С. 633.

⁴⁹ *Милуков А. П.* Федор Михайлович Достоевский // *Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников*: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 263.

рищ нашли временный приют, к Державину «относился почти враждебно», находя, что он «более царедворец нежели пиита», однако на прощанье он декламирует именно Державина: «...тут на Пунина нашло внезапное исступление! Он вскочил на сиденье тарантаса, поднял обе руки вверх и начал громовым голосом (откуда он у него взялся!) декламировать известное переложение Давидова псалма Державиным, пиитой на этот раз — а не царедворцем:

Встань, всесильный бог! Да судит
Земных богов во сонме их!..
Доколь вам, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?
Ваш долг есть сохранять законы...

— Сядь! — сказал ему Бабурин.

Пунин сел, но продолжал:

Ваш долг — спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров,
От сильных защищать бессильных...

Пунин при слове „сильных“ указал пальцем на барский дом, а потом ткнул им в спину сидевшего на козлах кучера:

Исторгнуть бедных из оков!
Не внемлют! Видят и не знают...

Прибежавший из барского дома Николай Антонов закричал во все горло кучеру: „Пошел! ворона! пошел, не зевай!“ — и тарантас покати́лся. Только издали еще слышалось:

Воскресни, боже, боже правый!..
Приди, суди, карай лукавых —
И будь один царем земли!».⁵⁰

Забавная фигура Пунина, одетого «чуть не в рубище»,⁵¹ — «в желтом фризском балахоне», в картузе «на вате, с меховым облезлым околышком и картонным надломленным козырьком»,⁵² — произносящая напряженно-торжественные стихи, производит трагико-комическое впечатление. Не случайно дворецкий проводил декламатора словами: «Экой

⁵⁰ ПССУП(2). Соч. Т. 9. С. 23–24.

⁵¹ Там же. С. 12

⁵² Там же. С. 10, 12.

паяц!».⁵³ В стихах, которые произносит Пунин, бросается в глаза незначительное расхождение с каноническим текстом.

У Державина:

Восстал всевышний бог
Воскресни, боже! боже правых!

У Тургенева:

Восстань, всесильный бог
Воскресни, боже, боже правый!..

Возможно, Тургенев цитировал Державина по памяти и поэтому не совсем точно; возможно, расхождение появилось в тексте намеренно для того, чтобы подчеркнуть непосредственное обращение обиженного героя к создателю.

Мысль о скоротечности и преходящести всего земного, начатая одой «На смерть князя Мещерского», проходит через все творчество Державина. Мы находим ее и в оде «Водопад», и в стихотворении «Властителям и судьям», и в предсмертном стихотворении Державина «Река времен».

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Мысль эта была близка и Тургеневу. Достаточно вспомнить его «Поездку в Полесье», «Довольно», роман «Отцы и дети», «Стихотворения в прозе» («Песочные часы», «Я встал ночью...» и др.). Эта мысль встречается и в его письмах. Будучи тяжело больным, Тургенев вспомнил державинскую «Реку времен» в письме от 3 (15) декабря 1882 года к Д. В. Григоровичу по поводу первой публикации «Стихотворений в прозе»: «...,река времен в своем теченьи“ унесет в лоно забвенья эти легонькие листки».⁵⁴

Рубан Василий Григорьевич (1742–1795), издатель, журналист, переводчик, поэт. Был особенно известен своими стихотворными надписями. Самая знаменитая из них «К монументу Петра Великого» помещена в «Образцовых сочинениях», которые, как уже упоминалось, служили учебной книгой Тургенева в детстве:

⁵³ ПССУП(2). Соч. Т. 9. С. 24.

⁵⁴ ПССУП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 116.

Колосс Родосский, днесь смири свой гордый вид!
И нильски здания высоких пирамид,
Престаньте более считаться чудесами!
Вы смертных бранными соделаны руками.
Нерукотворная здесь русская гора,
Вняв гласу Божию из уст Екатерины,
Прешла во град Петров чрез невские пучины,
И пала под стопы Великого Петра.⁵⁵

Тургенев был знаком и с другими похвальными «надписями» Рубана, воспевающими благодеяния его покровителей.

Герой повести Тургенева «Пунин и Бабурин», любитель старинной поэзии («чем старее были стихи, тем больше они приходились Пунину по вкусу»⁵⁶), «вдохновясь Рубаном», сложил четверостишие к портрету своего друга и покровителя:

С пеленок не шадя гонений лютых, рок
Ко краю бездны зол Бабурина привлек!
Но огонь во мгле, злат луч на гноище блистает, —
И се! победный лавр чело его венчает!⁵⁷

Приведенное четверостишие, по-видимому, является авторской стилизацией.

Подводя краткий итог сказанному, можно сказать, что Тургенев, создавая образ своего героя, всецело преданного русской литературной традиции XVIII века, использует разнообразные приемы — цитаты, пародии, стилизацию и тем самым создает своеобразный памятник этой традиции, памятник, который знаменует прощание отечественной словесности с ушедшим веком.

⁵⁵ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. 2-е изд. СПб., 1822. Ч. V. С. 140–141.

⁵⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 18.

⁵⁷ Там же. С. 38.